

А.В. Алексеев

Лексикологические аспекты изучения концептов

Концепт рассматривается как понятие, применимое в различных гуманитарных дисциплинах. Для корректного использования термина «концепт» необходимо учитывать методологические принципы лингвистики. На уровне лексикологии описание концептов наиболее продуктивно за счёт анализа лексико-семантических полей, при учёте структурно-семантического подхода. Полное описание концепта возможно при понимании его диахронической сущности.

The concept is regarded as a applicable in different humanities. For the correct application of the term «concept», it is necessary to consider the methodological principles of linguistics. At the level of lexicology, the concept description is most productive through the analysis of lexico-semantic fields, taking into account the structural-semantic approach. A full description of the concept is possible with understanding of its diachronic essence.

Ключевые слова: концепт; лексикология; культура; семиотика.

Keywords: concept; lexicology; culture; semiotics.

Концепт как интегральный объект гуманитарного знания традиционно рассматривается в рамках различных научных дисциплин и тем самым даёт основания воспринимать его как «зонтиковый термин» [7: с. 5]. При описании концепта на лексическом уровне есть основания считать его более современным соответствием классическому термину «слово» (*логос*). В этом случае для исследования концепта не требуется создания какой-либо новой дисциплины: русское слово изучается синхронно-современной и исторической лексикологией, в них используются сравнительно-исторический и структурный методы, а в последние десятилетия — анализ «глубинной» семантики.

В связи с развитием концептологических исследований новую актуальность приобретает вопрос о том, какой подход к изучению слова обладает большей продуктивностью, синхронный или диахронический. Высокая значимость исторической лексикологии опирается в этом случае на авторитет В. фон Гумбольдта, который утверждал, что «язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energieia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим» [9: с. 70]. Но, к сожалению, до сих пор нет общего мнения о том, насколько с позиций сравнительно-исторического метода могут быть актуальны и востребованы исследования *культурного* концепта и в целом феноменов культуры. Между тем именно В. фон Гумбольдт, указав на исторический характер языка, отмечал, что «язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга... а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» [9: с. 67].

Необходимость культуроведческого измерения исторической лексикологии находит всё более широкое понимание в последних работах историков языка. Отмечается, что при изучении семантической эволюции слова должны учитываться различные экстралингвистические факторы: «данные фольклора, мифологии, поэзии и т. д.» [4: с. 68]. И наоборот, лексикологический анализ способствует изучению культуры, «расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации» [5: с. 5]. Таким образом, сегодня основная цель исторической лексикологии — соотнести семантику слова и особенности его употребления «с той картиной мира, которая формируется в сознании человека определённой исторической эпохи» [10: с. 19]. В частности, если речь идёт о древнерусской эпохе, необходимо учитывать православное вероучение, например: [1: с. 46; 3: с. 50].

Лексикологические методы описания концепта используются и в особых интегральных дисциплинах, одной из которых признается лингвокультурология. Предметом исследования этой науки считается так называемый культурный концепт, который, однако, тесно соотносится с концептом-словом (лексическим концептом). В рамках лингвокультурологии выделяется не менее четырёх направлений (лингвокультурологических школ) [11: с. 30]. В соответствии с заявляемыми задачами и предметом исследования можно разграничить широкую лингвокультурологию — которая скорее культурология, нежели лингвистика — и узкую лингвокультурологию, которая пытается опираться на лингвистическую методологию. К первому направлению следует относить исследовательские алгоритмы, предложенные Ю.С. Степановым и В.В. Воробьевым, ко второму — методику анализа концепта, разработанную В.Н. Телия. Однако любое из этих направлений представляет несомненный интерес, так как во всех случаях предметом изучения признаётся языковая семантика, «которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры» [11: с. 30].

В широкой лингвокультурологии основным предметом исследования признаются прежде всего культурные объекты. У Ю.С. Степанова это концепт, определяемый как «сгусток культуры в сознании человека» [13: с. 40], у В.В. Воробьева — лингвокультурема как своего рода ячейка культурного смысла. Признётся, что это единица межуровневая и содержательно более глубокая по сравнению со словом. Такая глубина создаётся за счёт диалектического объединения «лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [8: с. 45]. Чтобы определить отношение широкой лингвокультурологии к лексикологическим методам исследования, необходимо вспомнить известное разграничение ономаσιологического и семасиологического подходов.

Ономаσιологический подход рассматривает семиотические факты по направлению от предметов и понятий к средствам их обозначения, в то время как семасиология в большей степени интересуется структурами и механизмами взаимодействия самих значений. Историческая лексикология — дисциплина прежде всего семасиологическая: в ней обычно рассматриваются языковые формы (лексические единицы) и выясняется, каким образом этими формами эксплицируются те или иные ментальные сущности, каким образом

происходит семантическое взаимодействие таких форм (распределение значений, смысловая филиация и т. п.).

Широкая лингвокультурология избирает своим предметом предварительно выделенный ментальный объект — понятие, концепт, смысл (конкретное название не существенно) — и рассматривает по возможности максимально полный список языковых средств, выражающих этот объект. Такая последовательность соответствует ономаσιологическому подходу. Можно предположить, что в современной науке фактически происходит распределение ономаσιологии и семасиологии по самостоятельным дисциплинарным областям, что соответствует магистральному направлению на углубление и дробление гуманитарных исследований.

Ономаσιологические интересы широкой лингвокультурологии выводят её за пределы русистики. Как показывает содержание цитируемых работ, для характеристики концептов привлекаются самые различные их номинации и средства репрезентации. При этом предметные границы тех или иных лингвистических дисциплин — лексикологии, фразеологии и т. п. — соблюдаются в слабой степени. В монографии Ю.С. Степанова рассматриваются признаки концептов, вычлениваемые из достаточно разнообразных, не сводимых к единой области источников. Например, при анализе концепта «Буратино» рассматриваются следующие культурные источники: социально-личностный контекст написания сказки [13: с. 699]; общемировые истоки основных мотивов сказки [13: с. 700]; стихотворение М.Ю. Лермонтова [13: с. 701]; античные религиозные обряды, связанные с жертвоприношением [13: с. 702] и т. д. Несмотря на богатство и содержательность собранного материала, релевантность выявленных подобным образом разнородных признаков русскому культурному концепту (и тем более лексическому концепту, то есть русскому слову) в ряде случаев вызывает сомнения.

В монографии В.В. Воробьева ставится масштабная задача реконструкции русской национальной личности, исследования «загадки» «русской культуры и цивилизации» [8: с. 9]. Для решения этой задачи и должна, по мнению автора, использоваться лингвокультурология, которая рассматривается как «новая исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре» [8: с. 37]. Для решения задачи привлекаются в качестве материала исследования ряда русских мыслителей — философов и публицистов. Однако уже на этом этапе возникают вопросы о предметных границах лингвокультурологии и о критериях отбора материала. Остаётся неясным, все ли высказывания философов по указанной проблематике представлены в работе, не противоречат ли друг другу высказывания различных философов, как проводился отбор литераторов, достойных, по мнению автора, свидетельствовать о русском национальном характере. В целом, в цитируемой работе исследуются не лингвистические факты, а результаты мировоззренческой рефлексии произвольно отобранной группы литераторов (под литературой мы здесь подразумеваем весь национальный корпус культурно значимых текстов). Это усиливает не научную, а скорее, публицистическую составляющую цитируемой работы. Материалом собственно лингвистического анализа в работе оказываются только разнородные словари.

Таким образом, в указанных сочинениях лингвистическая, в частности лексикологическая, методология реализуется в недостаточной степени. Это объясняется тем, что предмет исследования широкой лингвокультурологии не определён с достаточной четкостью. Лингвокультурологию интересуют различные речевые и ментальные единицы: мифы, обычаи, привычки, легенды, обряды, ритуалы, символы, поэзия, художественная проза, архетипы, мифологемы, паремии, метафоры, модели речевого поведения и т. д. [11: с. 23, 36].

Между тем при выборе предмета исследования необходимо последовательно соблюдать семиотический принцип описания. Изучаемая единица должна быть знаком и иметь синтаксическое измерение, то есть принадлежать к определённой знаковой системе или подсистеме. Затруднительно изучать семантику языкового знака путём анализа архетипов, обрядов или легенд, так как все эти семиотические явления относятся к различным знаковым подсистемам культуры.

При лингвокультурологическом анализе нужно вначале исследовать функционирование языковых знаков, прежде всего лексических единиц. И лишь проведя описание лексической семантики, можно искать в её структуре признаки, «наведённые» воздействием других знаковых подсистем. Такое воздействие объясняется символическим характером человеческих знаков. Очень важно, что сверхбинарная символическая структура обнаруживается и в лингвокультурологии [8: с. 49]. Однако логика исследования символа от первого означающего ко второму означающему (денотату) и лишь затем к символическому смыслу не всегда выдерживается в лингвокультурологических работах.

В этой связи сохраняет свою актуальность семантический постулат А.А. Потебни, разграничение ближайшего и дальнейшего значений слова [12: с. 10]. Переход к дальнейшему значению (внеязыковой семантике) означает, в соответствии с этим постулатом, переход к иным наукам. В монографии В.В. Воробьева указано, что культура народа раскрывается через языковую и внеязыковую семантику. При этом признаётся, что внеязыковая семантика — это «сфера специального (понятийного) знания и конкретных реалий как элементов, предметов класса» [8: с. 40]. Однако подобное знание институализировано в отдельных дисциплинах. Для описания предметов как таковых, в том числе материальных и духовных артефактов, существуют специальные науки: этнография, история, философия. Например, для анализа антропологических взглядов русских религиозных философов необходим инструментарий философской и религиоведческой методологии: понимание человека православными философами не может быть проанализировано без учёта святоотеческой традиции. Таким образом, переходя в область «специальных знаний», лингвокультурология, отказываясь от лингвистического научного аппарата, либо перестает быть самостоятельной наукой, превращаясь в этнографию, историю и т. д., либо теряет всякую методологическую основательность.

Но даже при сохранении лингвистической точности выделение предмета «широкой» лингвокультурологии посредством нового членения плана содержания языкового знака не решает всех проблем. Попытка лингвокультурологии сдвинуть предметную рамку от «ближайшего» значения к «дальнейшему»

означает перенос внимания на объём понятия, денотат. Однако если придерживаться семиотического понимания культуры, то нужно признать, что описание объёма понятия не превращает лингвистику в культурологическую дисциплину, так как позволяет характеризовать предметные реалии окружающего мира (денотаты), но не культуру как систему ценностей (символов).

Перенос исследовательского внимания с содержания понятия на его объём (экстенционал, предметность) формирует идею «нечёткого понятия», или «понятия с нечёткими краями», которая заключается в том, что «нельзя подвести черту под объёмом понятия, т. е. понятие не является конструктом с чётко ограниченным объёмом и содержанием» [2: с. 13]. С позиций лингводидактики такое расширение понятия происходит за счёт внимания к фоновым знаниям, которые представляют собой культурно-историческую память слова. Для анализа подобной информации выделяется логоэпистема, сохраняющая знание, «несомое словом как таковым — его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [6: с. 7]. Отметим, что цитируемое определение соотносит логоэпистему с языковым концептом во всей его полноте — а не только с расширенным понятием.

В рамках «узкой» лингвокультурологии символические функции слова анализируются, на наш взгляд, наиболее последовательно. В частности, в работах В.Н. Телия рассматриваются прежде всего языковые значения номинативных единиц, и уже после этого анализируется способность таких единиц, слов и фразеологизмов, выражать культурную коннотацию [14: с. 233]. При подобном анализе, проводимом преимущественно на материале фразеологии, фактически воспроизводится схема сверхбинарного символического семиозиса (фразеологизм \Leftrightarrow фразеологический образ \Leftrightarrow культурный смысл): «...система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [14: с. 215]. Однако мы не можем согласиться с тем, что культурно значимое содержание передаётся в основном или в большей степени с помощью фразеологизмов. Мы полагаем, что культурологическая актуальность фразеологии и паремий связана с большей наглядностью, очевидностью образно-символических компонентов их содержания. Однако и функционально, и исторически слово — несомненный символ, поэтому возможен поиск культурных коннотаций (культурной значимости) именно на лексическом материале.

Ономасиологический аспект лексикологических исследований активно реализуется в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивная концептология может в определённой степени считаться развитием идеографической лексикологии, так как признаётся и практически подтверждается, что основным средством репрезентации концепта является семантическое поле. Название лексико-семантического поля может одновременно являться ключевым словом, репрезентирующим концепт в тексте. Следовательно, ключевые слова могут рассматриваться как имена концептов, то есть лексические единицы, наиболее последовательно (в ряду синонимов и других семантически связанных слов)

выражающие концептуальный смысл. Другие средства вербализации концепта определяются структурой семантического поля, в котором выделяются различные слои, ядерные и периферийные. Чем ближе к ядру располагается языковая единица, тем больше у неё вероятности стать средством вербализации данного концепта. Таким образом, через изучение всех слов, составляющих соответствующее семантическое поле, можно определить содержание концепта, его семантические признаки.

Итак, лексическое содержание оказывается наиболее актуальным для культурологической, логической и исторической интерпретаций концепта. Первое направление разрабатывается лингвокультурологией, однако данная дисциплина нуждается, на наш взгляд, в уточнении предмета исследования. Логический концепт познаётся когнитивной лингвистикой; лексические репрезентации составляют, очевидно, лишь часть данного типа концепта, они достаточно плодотворно исследуются методами ономазиологического анализа. Собственно лексический концепт разворачивается в истории, его содержательные формы могут изучаться при помощи лексической семасиологии. Лексический концепт как историческая реальность отождествляется со словом, и потому предметы исследования исторической концептологии и исторической лексикологии в значительной степени совпадают.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеев А.В.* Символические значения в истории слова *печаль* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 45–52.
2. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. *Борюшкина Е.Н.* «Грехъ» и «безаконие» в Толковой Палее // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 49–54.
4. *Брунова Е.Г.* Об этимологическом анализе на современном этапе // Филологические науки. 2002. № 2. С. 67–74.
5. *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск: КГПУ, 1997. 104 с.
6. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.
7. *Воркачев С.Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 2003. Вып. 24. С. 5–12.
8. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.
9. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 396 с.
10. *Деева Н.В.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2007. 197 с.
11. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие: для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 202 с.
12. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. I: Введение / Сост. А. Потебня. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейн, 1874. 157 с.

13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 284 с.

References

Literatura

1. Alekseev A.V. Simvolicheskie znacheniya v istorii slova *pechal'* // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 45–52.
2. Babushkin A.P. Tipy' konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazy'ka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1996. 103 s.
3. Boryushkina E.N. «Grex» i «bezakonie» v Tolkovoj Palee // Drevnyaya Rus'. Voprosy' medievistiki. 2013. № 4 (54). S. 49–54.
4. Brunova E.G. Ob e'timologicheskom analize na sovremennom e'tape // Filologicheskie nauki. 2002. № 2. S. 67–74.
5. Vasil'ev A.D. Vvedenie v istoricheskuyu leksikologiyu russkogo yazy'ka. Krasnoyarsk: KGPU, 1997. 104 s.
6. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. V poiskax novy'x putej razvitiya lingvostranovedeniya. M.: Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 1999. 84 s.
7. Vorkachev S.G. Koncept kak «zontikovy'j termin» // Yazy'k, soznanie, kommunikaciya. M.: Filologiya, 2003. Vy'p. 24. S. 5–12.
8. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: Rossijskij un-t druzhby' narodov, 2008. 336 s.
9. Gumbol'dt V. Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu. M.: Progress, 2000. 396 s.
10. Deeva N.V. Vvedenie v istoricheskuyu leksikologiyu russkogo yazy'ka. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t, 2007. 197 s.
11. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademiya, 2010. 202 s.
12. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike. I: Vvedenie / Sost. A. Potebnya. Voronezh: Tip. N.D. Gol'dshtejn, 1874. 157 s.
13. Stepanov Yu.S. Konstany': Slovar' russkoj kul'tury': Opy't issledovaniya. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1997. 824 s.
14. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty'. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1996. 284 s.